

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ РУССКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Выдающийся немецкий философ и языковед, основоположник сравнительной (культурной) антропологии и лингвокультурологии Вильгельм Гумбольдт, производя сравнительный анализ языков и языковых семейств, отмечал: «Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаём в нём; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчётливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия» [2, с.349]. Изучая языки, подчёркивал он, мы постигаем характеры народов, в том числе и прежде всего, такие, «которые... способствуют расширению понятия человечности» («От сравнительной антропологии к сравнительной лингвистике»).

Если верно мнение Ф.М.Достоевского о том, что «язык – народ», то тот народ, который ощущает себя наднациональной и полинациональной, симфонической личностью(термин Л. П. Карсавина), носителем ментальных и нравственных универсалий, проводником общечеловеческих духовных устремлений, «обречён» в лице своих национальных гениев неустанно искать столь же универсальные совершенные и выразительные формы их языкового, художественно-литературного, поэтического выражения. Русский поэтический язык как квинтэссенция образного языка является в сравнении с языками больших европейских наций универсальным по-преимуществу. Он наиболее приспособлен для художественной передачи интуитивных прозрений и эстетического оформления воображаемых миров. Русские поэты Золотого и Серебряного века разных художественных направлений предельно концентрировано, чеканными образами и формозвучаями, выражали главную черту русского национального характера, которую американский культуролог и лингвист Эдвард Сепир определил как неодолимое проявление русскими человеческой сути, как их непоколебимая приверженность *изначальной всеохватывающей «корневой» человечности* [4, с. 471].

Отсюда понятно, почему русский поэт может сочинять стихи, например, пользуясь французским или немецким стилем, комбинировать эти стили между собой и синтезировать их (в преображённом виде) для формообразования оригинального авторского стиля. Русский литературный язык облекает собой любой национальный дух и поэтому может служить незаменимым посредником в художественных коммуникациях, безотказным медиатором диалога культур. Вспомним в этой связи, сделанное Александром Блоком в ставшим хрестоматийным стихотворении

«Скифы» знаменательное признание: «Мы любим всё – и жар холодных чисел, / И дар божественных видений, / Нам внятно всё – и острый гальский смысл, / И сумрачный германский гений...».

Уже можно считать общепризнанным тот факт, что после петровских реформ русская культура оказалась самой восприимчивой к достижениям других культур, в первую очередь – европейских, и набрала невиданное ранее ускорение в своём самобытном развитии. Соответственно, её структурообразующее ядро – великий русский язык – стал непревзойдённым *лингво-ментальным трансформатором и аккумулятором* терминов, «фигур мысли», понятий, смысло-образов многих европейских и евразийских языков, совершенствуясь в процессе литературного морфогенезиса на собственной исторической основе.

Лучшие поэты России черпали своё вдохновение из таких истоков, как совершенно свободное самоизъявление эмоционального начала внутреннего мира и необъятное влечение сердца, всегда превосходящее резоны рассудка, но... не пренебрегающее требованиями всеумеряющего эстетического разума и хорошего вкуса. Константин Бальмонт обращал пристальное внимание на яркую особенность русской классической поэзии и прозы, органически сочетающуюся с их общечеловеческой интенцией. Душевное состояние, которое составляет основу «сердцецентристского» литературно-художественного, поэтического творчества, «можно определить как мерную лиричность взнесённого чувства и умудрённого сознания» [1, с. 565].

В основе западноевропейской поэзии и прозы всё-таки, за редким исключением, лежит рациональное начало. Эмоции, условно говоря, развёртываются по предначертанной канве программирующей мысли, иногда чрезмерно рассудочной. В компаративной характеристике национальных языков В. Гумбольдт подчёркивал: «Язык всегда воплощает в себе своеобразие целого народа, поэтому в нём не следует бояться ни изощрённости, ни избытка фантазии, которые кое-кто считает нежелательными. То, что они дают нам сразу, есть полная, чистая и простая человеческая природа, если же мы проникаем в глубины их тайн, в нашу сухую рассудочность врывается свежая струя неувядающей фантазии других народов, заключающих каждое впечатление, которое юный мир дарит их ещё не притупившимся чувствам» [2, с. 349].

Универсальный русский поэтический (литературный) язык обладает необычайным богатством средств художественной выразительности и непревзойдённой способностью сведения их в целостное единство (стиль). Он обнаруживает очень широкий спектр тропов, исключительно выразительные образные и генерализирующие метафоры, которые улавливают «ранее неизвестные связи вещей» посредством оригинальной комбинации слов, порождающей новые значения и неожиданные ассоциации. Наконец, русский поэтический язык наиболее склонен к сме-

лым, но оправданным, конденсирующим отклонениям от норм обыденного языка, что приводит, говоря словами авторов «Общей риторики», к возникновению «определённых эмоций и ощущений, способных в свою очередь привести к направляемому формированию новых либо модификации изначальных стереотипов восприятия и поведения» [3, с.140].

Самое же большое достоинство этого языка состоит в его направленности на утверждение душевно-эмоционального начала в человеке и на актуализацию, артикулированное проявление интуитивной подосновы всякого художественного, интеллектуального и жизненного творчества. «Творчество – это прежде всего эмоция», – высказал догадку прозорливый французский философ Анри Бергсон («Два источника морали и религии»).

Подводя итог, хотелось бы отметить, что даже образованные западноевропейцы и американцы подчас испытывают недостаток духовности и душевности, а их интеллектуальному складу и раньше не хватало полёта воображения, провидческой фантазии, всепроникающей художественной интуиции. Всем тем, чем богат русско-славянский мир, в котором достойную консолидирующую роль играет общенациональная культура и цивилизация Беларуси, он готов поделиться с западным миром, будучи всегда открыт для трансформации рациональных подходов к решению жизненно важных задач.

Список использованных источников

1. *Бальмонт, К.* Русский язык / К. Бальмонт // Избранное: Стихотворение. Переводы. Статьи / сост., вступ. ст. и коммент. Д. Г. Макогоненко; ил. и оф. Н. Е. Бочаровой. – М.: Правда, 1991. – 608 с.
2. *Гумбольдт, В.* Об изучении языков или План систематической энциклопедии языков / В. Гумбольдт // Язык и философия культуры; пер. с нем.; сост., общ. ред. и вступ. ст. А. В. Гулыги, Г. В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1985. – 456 с.
3. *Общая риторика*: пер. с фр. / Ж.Дюбуа [и др.]; общ. ред. и вступ. ст. А. К. Авеличева. – М.: Прогресс, 1986. – 392 с.
4. *Сепир, Э.* Культура, подлинная и мнимая / Э.Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии; пер. с англ.; общ.ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. – М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с.

БДЭУ. Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт. Бібліятэка.

БГЭУ. Белорусский государственный экономический университет. Библиотека.°.

BSEU. Belarus State Economic University. Library.

<http://www.bseu.by> elib@bseu.by